

к III—II вв. до н. э.¹. По всей вероятности, данная территория служила в это время местом, где выставлялись почетные постановления. Если вспомнить при этом, что и в других местах площади за истекшие пять лет ее исследования были найдены обломки надписей, как, например, вышеупомянутый декрет о проксемии в честь херсонесца Дионисия, сына Тагона, лежавший на дне общественного водоема, обломок посвяжительной надписи Полимеда за брата² и другие мелкие обломки, не остается сомнений, что дальнейшее планомерное раскрытие ольвийской агоры обогатит нас новыми письменными источниками, которые вскроют еще не одну страницу из истории античных городов Северного Причерноморья.

Е. Леви

ПЕРИСТИЛЬНЫЙ ДВОР ПЕРВЫХ ВЕКОВ Н. Э. НА ТЕРРИТОРИИ РИМСКОЙ ЦИТАДЕЛИ В ОЛЬВИИ

(Из работ Ольвийской экспедиции 1951 г.)

Во время работ Ольвийской экспедиции 1951 г. было возобновлено исследование территории римской цитадели — укрепленной южной части города.

Основные работы проводились здесь Б. В. Фармаковским в 1904—1906 гг.; они представляют определенную часть планомерных исследований, имевших целью сначала «определение точных границ древнего города, установление общего значения отдельных частей территории города..., определение главных магистралей города», затем — «систематическую раскопку тех частей, исследование которых было бы по-чему-либо особо важным, необходимым и интересным»³. В число задач, намеченных планом Б. В. Фармаковского уже в самом начале его раскопок, вошло исследование южной части Ольвии, ограниченной с севера так называемой «Первой поперечной балкой», с запада — «Заячьей балкой», с востока — склоном к лиману Буга. Вопрос о значении данной части был в главных чертах решен уже исследованиями 1904—1906 гг.: этот район являлся не «акрополем, бывшим, может быть, тем древнейшим ядром, вокруг которого потом вырос расширившийся город», а укрепленной цитаделью, построенной здесь во II—III веках н. э. Кроме выяснения общего значения данной части города, работы 1904—1906 гг. важны прежде всего открытием оборонительных сооружений, ограждавших цитадель с западной и с северной стороны; вместе с тем во время тех же экспедиций был найден целый ряд важных памятников, из которых на первом месте стоит серия ценных эпиграфических документов⁴.

Что касается открытых в те годы строительных остатков, то действительно показательны лишь оборонительные сооружения; все же остатки городских построек — домов, улиц, площадей — отличались здесь крайней фрагментарностью, вследствие чего оставался неясным не только общий облик исследуемой части Ольвии, но и характер отдельных зданий.

¹ Исключением является обломок плиты, датированной концом V — началом IV вв. до н. э.

² Т. Н. Книпович, Ольвийская экспедиция, КСИИМК, XXVII, стр. 24. В настоящее время А. А. Белецким подготовлена специальная публикация этого декрета во II томе сборника «Ольвия», который печатается в Киеве.

³ Б. В. Фармаковский, Ольвия, М., 1915, стр. 9.

⁴ Из них особенно интересны надписи, представляющие посвящения Аполлону Простату: см. IOSPE, I², №№ 83, 84, 88, 90, 92, 95, 106, 109.

После большого перерыва работы на территории римской цитадели были возобновлены в 1924 г.¹ Открыта была новая небольшая часть стены цитадели, интересная присутствием облицовочной кладки; обнаружен ряд значительных остатков монументального здания, представлявшего, по весьма вероятному предположению, храм Аполлона Простата. Но уже отмечавшееся отсутствие данных, которые позволили бы составить ясное представление о домах и улицах исследуемой части города, осталось в силе и после этих работ. Неясным остался также вопрос о стратиграфии культурных наслоений. Б. В. Фармаковский в своих отчетах отмечал, что обнаруженные им на территории цитадели остатки строительства принадлежат, за немногими исключениями, сооружениям слоя первых веков н. э.; он объяснял это тем, что жизнь здесь происходила «на одном уровне почвы», причем «позднейшие эпохи уничтожали древнейшие сооружения»; вследствие этого не сохранилось никаких остатков этих ранних сооружений, кроме остатков слоевых субструкций и ям в материке². Правильность указанных положений нуждалась, конечно, в проверке путем дальнейших раскопок.

Специфический характер южной части города, как укрепленной цитадели, фрагментарные остатки монументального здания, предположительно храма Аполлона, обилие интересных находок — все это заставляет считать одной из важнейших задач продолжение археологических исследований этой части Ольвии. К выполнению указанной задачи и приступила Ольвийская экспедиция 1951 г. Из двух пунктов, подвергшихся исследованию на территории цитадели, основным был раскоп «М», расположенный в северной части цитадели, вблизи «Первой поперечной балки», у западного ее конца; здесь еще в 1905 г. был проведен Б. В. Фармаковским небольшой пробный раскоп 15 × 6 м³. Место для раскопа 1951 г. было взято в непосредственном соседстве с раскопом 1905 г., вблизи юго-восточного его угла; вскрыта площадь в 225 м².

Работы 1951 г. оказались очень плодотворными. Удалось открыть интересный архитектурный комплекс первых веков н. э. и вместе с тем сделать ряд важных наблюдений о стратиграфии наслоений на территории цитадели, вносящих существенные поправки в представления Б. В. Фармаковского по данному вопросу. В настоящей статье я коснусь исследования строительного комплекса первых веков н. э.

Наслоения послегетского периода продолжались на исследуемой площади везде приблизительно до одного уровня — 1,30—1,50 м. Ниже начинался слой с типичным эллинистическим материалом второй половины III—II вв. до н. э. Промежуточное время, соответствующее I в. до н. э. и значительной части I в. н. э., культурными остатками не представлено. Повидимому, в течение этого отрезка времени данная территория заселена не была. Это наблюдение подтверждается характером обреза раскопа «М», особенно восточной части северного обреза: здесь на уровне от дневной поверхности приблизительно 1,30 м вполне отчетливо обрисовывается слой грунта без находок, так называемая «погребенная почва», свидетельствующая о наличии определенного перерыва в жизни населенных кварталов исследуемой части города.

Соответствующие послегетскому периоду наслоения содержали вещественный материал не слишком обильный, но вполне показательный в хронологическом отношении. Преобладающее большинство относится ко II и особенно к III вв. н. э. Наиболее характерны амфоры, целые и обломки. Из отдельных типов амфор многочисленными экземплярами представлено два — тип небольшой амфоры с яйцевидным реберчатым туловом, узким, расширяющимся книзу горлом и реберчатыми округлоизогнутыми ручками⁴ и тип амфоры большего размера с удлиненным реберчатым туловом, корот-

¹ Б. В. Фармаковский, Отчет о раскопках в Ольвии в 1924 г., СГАИМК, I, стр. 142 сл.

² Там же, стр. 156.

³ ОАК, 1905 г., стр. 23.

⁴ См. Т. Н. Книпович, Танаис. Историко-археологическое исследование, М.—Л., 1949, стр. 73, рис. 28 А.

ним и широким горлом, массивными ручками¹. Оба эти типа принадлежат преимущественно III в. н. э., второй заходит, повидимому, и в IV в. Значительно менее распространены в находках данного слоя другие типы амфор; по времени они близки упомянутым, некоторые принадлежат несколько более раннему времени, но едва ли ранее II в. н. э. К периоду с конца I или начала II в. н. э. по IV в. н. э. относятся и другие группы обнаруженного в том же слое вещественного материала — краснолаковой керамики, стеклянных сосудов. Большая часть материала датируется II и III веками; образцы IV в. единичны, это главным образом обломки тарелок, подобных найденной в Пантикапее внутри печи IV в. н. э.² Концу II и III в. принадлежат также найденные в тех же наслоениях три фрагмента надписей — двух греческих, одной латинской.

Вещественный материал III в. н. э. встречался во всей толще слоя; это заставляет предположить, что и входившие в этот слой строительные комплексы продолжали существовать в это время, т. е. в III в. н. э., независимо от того, к какому времени отнеси их сооружение.

Из обнаруженных в наслоениях первых веков н. э. строительных остатков главное место принадлежит обширному двору, занимавшему большую часть площади раскопа «М». Представление о том состоянии, в каком оказывается этот дворик после раскопок 1951 г., дает рисунок 1. Удовлетворительно сохранилась западная сторона двора и особенно северо-западный его угол: по этим частям можно судить о типе двора, а вместе с тем и того здания, в состав которого он входил. Мы имеем дело с шерстистым двором, окаймленным стилобатом из крупных плит, со стоявшими на них колоннами. С западной стороны стилобат сохранился на всем протяжении, причем сохранился он, повидимому, в своем первоначальном виде, кроме, может быть, небольшого участка в южном конце, где стилобат подвергся ремонту позднее. Стилобат в большей своей части сложен из крупных плит (до $0,63 \times 1$ м), но плиты неодинаковы, большинство их, несомненно, вторичного использования, о чем свидетельствуют некоторые детали, здесь совершенно необоснованные — выемки, различного рода углубления. На сохранившейся части северной стороны обнаружены *in situ* два барабана колонн, из них один на угловой плите; на четырех плитах западной стороны стилобата вполне отчетливо сохранились следы стоявших на них колонн. Западная сторона имела, таким образом, всего пять колонн. Колонны, судя по сохранившимся двум барабанам, гладкие и сравнительно тонкие — диаметр их 0,375 м; интерколумнии — 1,85 м, только угловые колонны отстояли от соседних на расстоянии в 2,10 м.

Стилобат северной, южной и восточной сторон сохранился хуже. На севере имеется лишь западная его часть, протяженностью 3,52 м²; на юге к угловой плите прилегает лишь одна плита, но дальше на восток продолжается вполне четкая полоса темной рыхлой земли с мелкими осколками камня, соответствующая находившейся здесь и выбранной кладке, что дает общую длину известной нам здесь части стилобата 5,08 м. На востоке сохранилась лишь одна плита стилобата, но лежит она правильно, на плитах вымостки, давая возможность определить направление стилобата на восточной стороне дворика.

Вымостка двора хорошо сохранилась в северо-западном его углу. Здесь она состоит из крупных плит, до 1 м \times 0,73 м размерами. В большей же части вымостка имеет иной характер в результате разрушений и позднейшего ее ремонта: камни мельче и менее правильной формы, большие участки между камнями забиты слоем утрамбованной глины. Везде под плитами вымостки — слой глины с подсышкой мелкого толченого

¹ См. «Ольвия», т. I, Киев, 1940, стр. 78, рис. 59 и 61; СА, VII, рис. на стр. 290.

² В. Ф. Г а й д у к е в и ч, Античные керамические обжигательные печи, ИГАИМК, вып. 80, М.—Л., 1934, стр. 33, рис. 11.

³ Кладка, представляющая, как может показаться по чертежу (рис. 1), продолжение стилобата на восток, лежит на более низком уровне и принадлежит другому времени.

камня. Из-под плит стилобата во многих местах выступает вымостка — очевидно, стилобат везде лежал на вымостке.

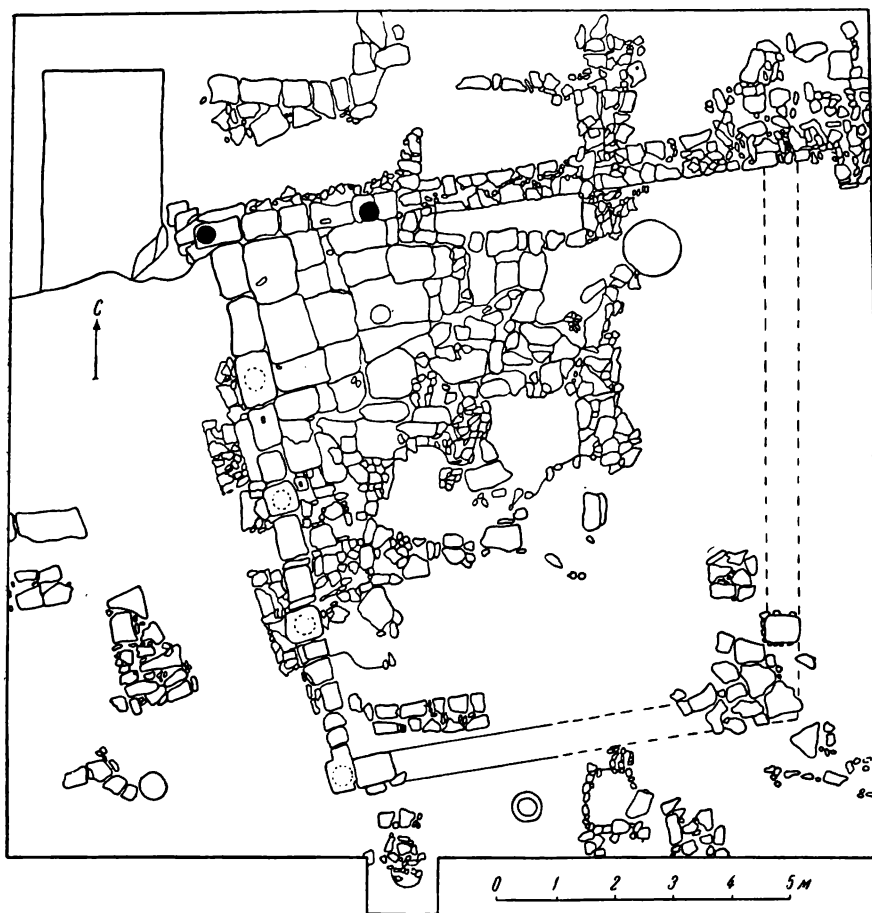

Рис. 1. План раскопа 1951 г. с остатками перистильного двора

Сохранившаяся полностью западная сторона и частично остальные дают все же возможность реконструировать очертания всего двора, который имел форму неправильного четырехугольника; сохранившаяся западная сторона имеет в длину 10,45 м, восстановленные: северная — 10,50 м, южная — 8,19 м, восточная — 9,98 м. Ближайшую аналогию открытому двору представляет двор эллинистического дома, исследованного в Ольвии, в Нижнем городе, в 1909—1910 гг. Мы встречаем в обоих случаях один и тот же тип перистильного дворика, мощеного каменными плитами и окаймленного стилобатом со стоящими на нем колоннами. Двор дома в Нижнем городе несколько меньших размеров — его длинные стороны имеют протяженность только 8,75 м; очертания двора дома в Нижнем городе более правильны, правильнее и некоторые детали его строительства. Б. В. Фармаковский отмечал, правда, что и там для плит стилобата использовались части старых построек¹; но эта особенность строительства неизмеримо более резко выражена у двора 1951 г. Несколько большего диаметра были колонны у дома в Нижнем городе, их диаметр 0,40 м (открытые в 1951 г. — 0,375 м).

¹ ОАК, 1909—1910 гг., стр. 52.

К сожалению, пока невозможно составить представление о плане всего дома, открываемого на территории цитадели. Исследование прилегающих к двору участков только начато; ясно, что сохранились они плохо — ни на западе, ни на севере на уровне двора не открыто никаких частей соседних помещений, на юге несомненно значительная перестройка, имевшая место в более позднее время. Возможно ли хоть отчасти выяснить характер дома, в состав которого входил открытый двор, покажут дальнейшие раскопки. Пока можно отметить лишь одно обстоятельство. При углублении в наслоениях, близких по уровню вымостке двора, привлекало внимание исключительное обилие обломков черепицы, особенно резко выраженное в западной части раскопа, около стилобата, но имевшее место и в других местах. Это дает возможность предположить и здесь наличие около двора крытых черепицей портиков. Во всяком случае даже и то, что удалось установить раскопками 1951 г., дает представление об открываемом комплексе, как перистильном доме, имеющем черты несомненного сходства с эллинистическим домом Нижнего города. Это делает особенно интересным выяснение его даты.

Уже отмечалось, что исследуемый комплекс целиком входит в наслоения первых веков н. э. Только ниже вымостки двора начинался слой, содержащий вещественный материал эллинистического времени; выше находки, предшествующие первым векам н. э., были совершенно единичны, они встречались только там, где приходилось иметь дело с нарушенным слоем. За принадлежность данного комплекса первым векам н. э. говорят и некоторые другие признаки. Обнаруженные здесь в большом количестве обломки черепиц отличаются от тех, которые хорошо известны в Ольвии эллинистического периода, типы здесь, несомненно, более поздние. Еще более показательны некоторые строительные остатки, принадлежавшие, повидимому, прилегавшим к дворику помещениям. Из камня, входившего в состав кладок этих помещений, были позднее выстроены на площади двора некоторые новые сооружения: о них речь еще будет впереди. Вместе со строительным камнем в состав этих сооружений попали и некоторые архитектурные детали, среди которых особенно много облицовочных плиток, преимущественно из белого, частью из цветного мрамора; характерны небольшие прямоугольные плитки со скошенными гранями. Такие облицовочные плитки — деталь, свойственная строительству первых веков н. э. Не менее характерен мраморный обломок с орнаментом, включающим широко распространенные мотивы (овы, жемчужник), выполненным в крайне схематическом стиле, свойственном позднему времени.

Все перечисленные особенности подтверждают отнесение открытого дворика к первым векам н. э., устанавливаемое уже стратиграфическими данными. Точнее выяснить дату сооружения комплекса, в состав которого входил двор, позволяют предметы, обнаруженные непосредственно на плитах вымостки и частью между плитами. Наход-

Рис. 2. Вид на западную часть двора с юга

ки эти не очень многочисленны, но вполне однородны. К их числу относится ряд обломков тонкостенных сосудов из бесцветного стекла, характерных для начала II в. н. э.; близки по времени обломки краснолаковой керамики конца I и начала II в. н. э., обломок светильника. Время, близкое рубежу I и II вв. н. э., и являлось, очевидно, временем сооружения дома, которому принадлежал открытый в 1951 г. дворик.

Если указанная дата верна, исследованный двор приобретает особый интерес. При сравнительно хорошей осведомленности о строительстве эллинистической Ольвии, мы очень слабо знаем, каковы были дома Ольвии в первые века н. э. Здесь перед нами, правда, лишь часть такого дома, но часть важная, позволяющая установить существование в Ольвии первых веков н. э. типа перистильного дома, имевшего в своем строительстве ряд своеобразных черт, но сохраняющего традиции эллинистического времени, притом именно того типа, который был распространен в Ольвии III и II вв. до н. э. Сам по себе факт применения в первые века н. э. типа перистильного дома не нов — известны многочисленные примеры подобных же зданий. Но для Ольвии, да и вообще для Северного Причерноморья, с таким случаем мы встречаемся впервые.

Возникает ряд вопросов. Остались невыясненными помещения дома, общий его план. Неясно и то, впервые ли возникло здесь на рубеже I и II вв. н. э. такого рода здание, или оно было построено на месте подобного сооружения, существовавшего уже в эллинистический период. Для последнего предположения, есть, повидимому, некоторые основания: среди строительных остатков эллинистического слоя был обнаружен барабан колонны иной, большего диаметра, чем колонны исследуемого дворика. Но решить все эти вопросы или хотя бы некоторые из них могут только дальнейшие раскопки.

Выстроенный в конце I или начале II в. н. э. двор продолжал бытовать и в более позднее время, но уже в значительно измененном виде. Поврежденная вымостка, а иногда и хорошо сохранившиеся ее части, были покрыты плотным слоем утрамбованной глины, доходившей местами почти до поверхности плит стилобата. На севере стилобат, за исключением западного его конца, разобран: сюда пристроили небольшое помещение, стены которого сложены из различных камней более древних построек. Разобран стилобат и на юге, причем параллельно ему, ближе к северу, сооружается новая кладка; в качестве строительного материала здесь используется все, что нашлось, вплоть до интересной декоративной колонки (см. рис. 2, где упомянутая кладка находится на переднем плане). В северной части двора на вымостке выстраивается другая кладка, изогнутая, своим западным концом находящаяся на стилобат в северо-западном углу дворика; огражденное этой кладкой и стенами нового помещения пространство служило складом амфор, которых здесь было обнаружено свыше 30. Амфоры устанавливают дату указанных построек — все они относятся ко времени не ранее конца II, преимущественно к III в. н. э. Прежний перистильный двор в это время уже не существует.

Открытие перистильного двора является одним из важных результатов работ 1951 г., пополняющим крайне недостаточные сведения о домах Ольвии в первые века н. э.

Т. Н. Книпович

О РЕКОНСТРУКЦИИ ОЛЬВИЙСКОГО ЖИЛОГО ДОМА II в. до н. э., ОТКРЫТОГО Б. В. ФАРМАКОВСКИМ в 1902—1903 гг.

До недавнего времени жилой дом II в. до н. э., раскопанный в Ольвии и реконструированный по остаткам, найденным Б. В. Фармаковским и П. П. Покрышкиным в 1902—1903 гг., являлся единственным памятником этого рода на нашем Юге. Раскопки, производившиеся В. Д. Блаватским на городищах древних Фанагории и Пантикапея,